

ЖВА
НЕЦ
КИЙ

МИХАИЛ
ЖВАНЕЦКИЙ

ИЗБРАННОЕ

МОСКВА
2016

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ж41

Фото на суперобложке — *Владимир Липка*

Жванецкий, Михаил Михайлович.

Ж41 Избранное / Михаил Жванецкий. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 800 с.

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-699-28906-6

© М. Жванецкий, 2016
© ООО «Издательство «Э», 2016

Не продолжай короткое!

Михаил Жванецкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из кусочков, что я рисую, кто-то сложит картину.
Здесь, как в детстве, всё есть.

Вразброс, конечно.

Сам ленив, неподвижен, с коротким дыханием, мелким шагом и многими целями.

Написал и это же произнес.

В таком жанре, в каком получилось.

В крайнем случае, произнесите вы и сообщите мне, какой это жанр.

Пребываю и обнимаю вас.

А также тех, чья помощь обеспечила выход этой книги в свет.

Это Минц Борис Иосифович и Беляев Вадим Станиславович из корпорации «Открытие».

КАК Я ПИШУ?..

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал. Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог. Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много писем приходит.

Думаю, что перестань писать — много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит:

— И где это вы темы берете?

Как будто он ходит в другую поликлинику.

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Я думаю потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит.

Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу.

Это Ленинград.

Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта.

До Москвы тоже час.

Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце.

Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там.

Чужой юмор не понимаю: в компанию лучше не приглашать..

Сам лысый, длинноносый.

Тем, кто не видел, лучше не видеть. Тем, кто один раз видел, тоже не стоит повторять.

К женщинам интерес потерял ввиду большой сложности подходов на улице и отсутствия приходов ко мне.

Профессия так называемого сатирика наложила отпечаток на поведение.

Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь.

Одет в серое, хожу вдоль стен.

Начитан слабо.

На вечеринках молчу, дабы было что печатать.

Дома ничего не делаю — отсюда прозвище «квартирант». Давно не танцевал — темпераментно, яро, с мычанием и подкатами.

Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим, хотя я к ним перебегал раза три, но всегда возвращался ввиду слабости здоровья.

Пишу коротко. Во-первых, все это можно сказать в двух словах. А во-вторых — нервный... Это для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО

Действительно. Данные потрясают своей безжалостностью. 35 років творческой, 35 років производственной деятельности и где-то 60 общей жизни с ее цветными и бесцветными страницами.

Позвольте перейти к общим рассуждениям. Хочется сказать: в наших биографиях отразилась биография всей страны, годы застоя были для нас годами расцвета, то есть годы нашего расцвета пришлись как раз на годы застоя.

В голове фраза: «Раньше подполье было в застолье, потом застолье в подполье».

Я сам, будучи большим противником дат, юбилеев, годовщин, паспортов, удостоверений и фотографий, никак не желаю подводить итоги, ибо после этого как-то неудобно жить дальше.

Познакомились мы с Ильченко где-то в 54-м году. Я их всех постарше буду. У нас, значит, так — Роман поярче на сцене. Виктор — в жизни, я весь в мечтаниях, поэтому меня надувает каждый, на что я непрерывно жалуюсь через монологи и миниатюры.

То, что творится на сцене, — вам видно самим, поэтому про Ильченко. То есть человек, перегруженный массой разнообразных знаний. Там есть и как зажарить, и как проехать, и как сесть в тумане, и куски из немецкой литературы, какие-то обрывки римского права. Плохо, что эти знания никому не нужны, и даже женщины любят нас за другое, а напрасно. Мне нравятся в Ильченко большая решительность, безапелляционность, жажда действовать, что безумно завораживает тех, кто его не знает.

Приехал он в Одессу чуть ли не из Борисоглебска, аристократически прельщенный шумом и запахом морской волны. Я сидел в Одессе, тоже прельщенный этим, и мы сошлись.

Извините, у меня все время в голове фраза: «Партия вам не проходной двор...» Секундочку...

Так вот, с детства мы трое мечтали связать свою жизнь с морем и связывались с ним неоднократно, но мечту осуществим, видимо, сразу после жизни.

Роман знает значительно меньше, но все применяет, я знаю мало, но применяю больше. А Ильченко свои знания никогда применить не может, поэтому тащит их за собой и пугает ими одиноких женщин. Тем не менее сколько написано по его идеям и хорошего и плохого, сколько неудачных миниатюр создано по его замыслам. Нельзя также не отметить облагораживающую роль его фамилии в нашей тройке. Представляете: Кац, Жванецкий и Ильченко! Расцветает снизу вверх. Извините, эта фраза: «Партия вам не проходной двор, товарищи! Закройте дверь, мы закончили разговор!.. Что у вас там?..»

Мы с Ильченко познакомились где-то в 54-м году в Одессе, а с Карцевым сошлись где-то в 1960 году. И конечно, конечно, наша жизнь всю жизнь была связана с Ленинградом. Без лести скажу, здесь как нигде публика чувствует талант и так же безошибочно его чуяло начальство.

Как появились мы в 58-м году на этой сцене, так перманентно и продолжаем до сих пор. Как тяжело даются слова — 30 лет тому назад. И хотя эту молодость не назовешь счастливой, но что нам был дождь, что снег, что проспект Металлистов, когда у нас впереди была репетиция с Райкиным.

В 60-м Райкин приехал в Одессу, мы ему опять показали себя, и я видел, как на сцене тронулся Кац, как он со-

шел с ума, что-то с ним стряслось, остановившийся взгляд, сумасшедший вид.

— Что с тобой? — спросил я заботливо-завистливо, как всегда.

— Астахов передал, что Райкин передал: завтра прийти в санаторий Чкалова в 11 утра.

Для человека, с трех раз не попавшего в низшее цирковое, для человека, шесть раз посылавшего свои фото в обнаженном виде в разные цирки страны с оплаченным отказом, это перенести было невозможно. И он сошел с ума.

Райкин добил его, дав ему арбуз и отпечатанное в типографии заявление «прошу принять меня на работу...». Осталась только подпись, которую не было сил поставить.

На первом этаже дома по улице Ласточкина был дан ужин в честь великого и народного артиста РСФСР Райкина. Наша самодеятельность приникла к окнам, Ромин батька, футболист и партизан Аншель Кац, разносил рыбу и разливал коньяк. Мать двух детей Каца сыпала в бульон мондалах, сосед по коммуне, районный прокурор Козуб в коридор от ненависти не выходил, ибо опять они здесь что-то затевают.

Райкин был нечеловечески красив — это он умел. Песочные брюки, кофейный пиджак, платочек и сорочка — тонкий довоенный шелк и это при таком успехе, и это при такой славе, и это у Каца дома, и это вынести было невозможно, и мы молча пошли на бульвар и молча пошли на работу. Особенно я. Я тогда работал сменным механиком по портовым кранам и уже получал 105 рублей.

В голове вертится фраза:

— Почему клубника?

— Уже шесть.

— Простите, вчера была пять.

— Я же говорю, уже шесть.

Первым сошел с ума Кац, вторым я. Я стал получать его письма в стиле апреля 1960 года и с тем же правописанием. «И тогда сказал Аркадий Исаакович: «Сейчас мы едем прописываться», — и мы сели в большую черную машину, не знаю, как она называется, и поехали в управление, и он сказал «посиди», и он зашел к генералу, а я со всем немного посидел, и он вышел и сказал: «Все в порядке», — и мы поехали обратно, и нас все узнавали, и мы ехали такие щастливые».

Как мне было хорошо читать эти письма, сидя на куче угля, прячась от начальства, и только один раз пришло письмо вдвое толще, в том же библейском стиле.

«И тогда он сказал мне — завтра у нас шефский концерт, может, ты попробуешь что-нибудь свое? И я прочел твой монолог, и его хорошо принимали, и он сказал: «Мы включим тебя с этим монологом в избранное. Я посылаю тебе программку, посмотри там в глубине». И только тут я заметил, что держу во второй или в третьей руке программку, развернул — и сошел с ума...

Что мне было делать на той куче угля и каким же я был, если б сказал своему начальнику Пупенко: «Смотрите, вот программа Райкина, а вот моя фамилия». И я полез в трюм, где сломалась выгребальная машина «С-153», что выгребает уголь на просвет под грейфер, и только слеза на пыльной щеке — благодарность себе, судьбе, Кац-Карцеву-Кацу и сказочному стечению обстоятельств.

Как все евреи тянут друг друга, так Кац потащил за собой Ильченко, который к тому времени уже что-то возглавлял в пароходстве и уже приобрел первые навыки в демагогии и безапелляционности. Если б мы его не показали Райкину, он был бы замминистра или зампредобсвопросра или предзамтурбюро «Карпаты» з пайкамы, з персональной черной, з храпящим шофером в сдвинутом на глаза кипаре, він кожний рік відпочивав бы в санатории

ЦК «Лаванда» у люксе з бабою, з дитямы, гуляв по вечерам до моря, по субботам напивавсь у компании таких же дундуков, объединенных тайным знанием, что эта система ни к херам не годится, и в любом состоянии решал бы вопросы з населением. Находясь з ним в крайней вражде.

— Понаехали тут деревья защищать отовсюду, з Турции, з Израила. Я им говорю: «Та хто ж те деревья хотел рубать?» Поналетели защищать чи евреи, чи не евреи, мне все равно. Я им: «Та хто ж их хотел рубать, те деревья, ну производим плановое прореживание бульвара, упорядочиваем вид з моря, з моря тоже ж кто-то смотрит на город...» Поналиталы. Демократия. Вона, выпустили на свою голову джинна.

Так вот, Ильченко волевым решением поменял счастливую судьбу зампредминистра решающего — на жизнь артиста воплощающего, постепенно втянулся, наладил связи и теперь его не застанешь и не найдешь, и только за городом слышен его мощный голос: «Работать надо, товарищи, ищите автора, перебирайте литературу. С декабря начнем репетировать июльскую программу, усмешняйте, расставляйте акценты. Афористичнее, товарищи!»

В обстановке счастливо складывающихся человеческих судеб я не мог тихо сидеть на угле (как говорила англичанка «у нас полиция на угле», я спросил «неужели так допотопно?», потом оказалось — на угле, это я на угле) и, по огромному собственному желанию уволившись, стартовал из одесского порта в Ленинград, где в 1964 году стал счастливым, и присоединился к своим двум друзьям.

Первый гонорар получил сразу в 1967 году, а до этого три года Роман залезал под кровать и там, в темноте, в чемодане отсчитывал мне на питание 10 рублей. Маманя вся в слезах слала три рубля в письме-конверте.

Пешком через мост в Кунсткамеру обедать комплексно за 50 копеек и, чтоб я света белого не видел, у меня не

было еще четырех копеек на троллейбус, от чего был сухим, мускулистым и смелым, как все, у кого ничего нет.

Друг и соавтор Лозовский, с которым я прибыл в Ленинград занять место в высшем свете, неожиданно проиграл свои деньги в преферанс и сошелся с попом, жарил ему яичницу, пил с ним водку и отказывался зарабатывать каким-либо трудом, кроме литературного. А когда я услышал, как он весело проводит время за шкафом, а я мучаюсь в святых поисках слова, я ему выдал справку «разрешены все виды деятельности, кроме умственной» и отправил в Одессу, где он снова стал талантливым конструктором, о чем до сих пор вспоминает в Израиле.

А я переехал к артистам-миниатюристам на проспект Металлистов, хотя слово «переехал» сюда не подходит. Вещей не было.

Ильченко под свою фамилию и дворянское прошлое одолжил у Руфи Марковны Райкиной (Ромы) 30 рублей, но потерял их по дороге и задумчиво наблюдал, как я размещаюсь. Потом наступил его телефонный разговор с Одессой, с женой:

— Таня, ты деньги получила?

— Когда ты выслал?

— Нет, я спрашиваю: ты на работе деньги получила? Вышли мне.

Это были счастливые дни нашей жизни на проспекте Металлистов за кинотеатром «Титан» или «Гигант» или «Великан». Девочка Летуновская подарила нам чайник. Хозяйка по-ленинградски пила вмертвую. То есть начинала со скандала: «Где щетка? Я не вижу кастрюли...» — находила шкалик и засыпала.

В 1966 году, после двух лет моего пребывания в Ленинграде без копейки и работы, А.И.Р. сказал, что в спектакле Музы Павловой они будут делать мое отделение. Оценив это обещание, я пытался уехать. Мне посоветова-

ли поговорить с Руфью Марковной, и в 1967-м я получил свой первый гонорар в 500 рублей, номер в гостинице «Астория», стол в ресторане и премьеру «Светофора» в ноябре. Я стал знатен и богат, что немедленно сказалось на характере.

А!.. Эти одинокие выступления... эти попытки репетировать что-то с друзьями. Эти попытки что-то доказать. И первая публика. И первый успех. И с поцелуями и любовными клятвами был уволен из театра в 1969 году навсегда! Как сказал А.И.Р.: «Отрезанный ломоть!» Все, эпизод снят!

Рома с Витей уволились тоже. Вот тут прошу запомнить — их никто не увольнял, наоборот, их пытались удержать всеми методами. Витя напечатал заявление на машинке, чем привел шефа в ярость.

В голове вертится фраза: «Партия вам не проходной двор! На каком основании вы сочли возможным прорваться на трибуну высшего военно-политического, ордена Боевого Красного Знамени, общевойскового, ордена «Знак Почета» Ленинградского Высшего военно-политического мюзик-холла?!!»

В 1970-м мы стартовали. Второй раз за жизнь. Вернулись в Одессу, где тоже не были нам рады, но нам здорово помогла холера 1970 года. Из всех холер самая прогрессивная. Режиссер Левитин, гремя жостью, уехал с криком «жду в Москве», секретарь обкома Лидия Всеволодовна Гладкая переменилась в лице — я ее догнал на улице:

— Спектакль не принят?

— Принят, принят, играйте что хотите.

Такую свободу и изобилие я видел только в день смерти Леонида Ильича, когда была оцеплена Москва и продавцы зазывали в магазины. И в районе радиации. То есть жизнь показывала, что есть несчастья большие, чем плановое хозяйство, и мы повеселились!

Обсервация на т/х «Таджикистан», полные бары подозреваемых в скорой смерти, музыка и лучшее, что есть в глуши, — беспорядочные связи (зачеркнуто), знакомства (зачеркнуто), дружба (зачеркнуто), любовь (зачеркнуто), контакты (зачеркнуто), счастье (зачеркнуто).

Первый выезд в Ростовскую область. Первые гастроли. Автобус Фурцевой — фурцевоз, село Жирновка.

— Эй!

— Чего?

— Артисты приехали.

— Какие еще артисты, елкин дуб?

— Да вот эти, что на афише...

— А, эти? Так у нас не захотели, езжайте в Белую Калитву, может, там захотят.

Так мы ехали по деревням, и никого. Не захотели! Но мы в Ростове перед отъездом записали на телевидении «Авас». Вернулись в Ростов — директор филармонии подозрительно смотрит, еще просит остаться. Стулья ставят. Из обкома звонят.

Аншлаг!

Отныне мы влюбились в это слово, в это состояние. Пусть говорит, кто хочет, пусть неполноценно хнычут о массовом, не массовом, если ты вышел на сцену и произносишь монолог, постарайся, чтоб в зале кто-то был. Даже политиков это тревожит, а уж театр обязан иметь успех.

Раб начинает так: «Они виноваты в том, что я...» Свободный: «Я виноват, в том, что я...» Кровью, потом и слезами полита дорога к аншлагу, и стоит он, недолгий, на крови, поте. Да здравствует наша страна — покровительница всех муз. Да здравствует партия — покровительница страны, покровительница всех муз.

— Товарищи, товарищи, здесь режимная зона... Мало ли что... Мало ли что... Прошу... Прошу...